УДК 94(438).082.1

Э. Доманьска

Трансгуманация: биокультурная история останков Виткевича[1]

> Определение «трансгуманация» я буду использовать в значении перехода, трансгрессии человечности (гуманности). “Transumanar” — это неологизм, который ввел Данте Алигьери в своей «Божественной комедии». Он написал: “Transumanar significar per verba non si poria” — «Пречеловеченье вместить в слова нельзя» (Рай, I, 70, пер. М. Лозинского). В книге «Неконвенциональные истории» (2006), анализируя воспоминания польского инженера, который описывал свои переживания во время пребывания в ГУЛАГе, понятие «трансгуманация» я определила как состояние человека в условиях перехода от цивилизованного человека (польский интеллигент) к узнику ГУЛАГа, лишенному человеческих качеств (допущение возможности стать жертвой каннибализма с целью выживания)[2].

Ощущения «на грани», которые приходились на долю заключенных в нацистских лагерях и советском ГУЛАГе, подвергали их испытанию на человечность. Переживание того, что несвойственно человеку, вызывало онтологические трансформации, именуемые здесь трансгуманацией, или «пречеловеченьем». Уместно привести цитату итальянского философа Джорджо Агамбена, считавшего, что урок Аушвица повлек за собой изменение понимания, кем является человек: «Человеком является тот, кто может пережить человека... Настоящим человеческим существом есть тот, чья гуманность была полностью уничтожена»[3]. Гуманность или человечность является вопросом меры, специфическим атрибутом человеческого рода, как эластичный континуум. Обозначение и определение ее экстремумов будет безосновательным, так как этот континуум складывается из различных переходных стадий и не обладает ни прогрессирую-

щим характером, ни регрессирующим. В таком контексте также нельзя говорить о границах или порогах гуманности, так как промежуточные стадии неявные, их прохождение в большей степени является процессом, который не может проходить скачкообразно. Человек — это по сути потенциал, он открыт для перманентных метаморфоз и прохождения промежуточных стадий. Следовательно, пречеловеченье (трансгуманация) — основа человеческого существования. Ключевыми понятиями для этого континуума будут термины — человек и нечеловек, что, следуя логике, является не противопоставлением, а отрицанием.

Переживания «на грани» в лагерях и ГУЛАГе превращали людей в нечеловеческих монстров, лиминальных существ, которые в воспоминаниях, отражающих такое свойство человеческой памяти, как переработка информации, часто описывались в виде чудовищ или зверей. Ужас, который охватывает человека от страха стать чудовищем (убийцей, каннибалом), является общей точкой пересечения в европейской культуре, так как этот ужас включен в иудео-христианскую систему культурных табу. Изучая тексты воспоминаний, которые часто являются для их авторов неким видом терапии и представляют собой симптом действия репарационной памяти, я обратила внимание, что в них часто появляются как образы животных (собака, волк, медведь), которые представлены более человечными, чем люди, так и чудовищ (каннибал, убийца, гомосексуалист, некрофил), представленных как звери или полузвери. Я считаю, что они относятся к символической структуре смыслов и используют архетипы и символы, демонстрируя глубокие онтологические изменения (трансгуманация), вызванные пограничными переживаниями, которые испытал автор. Эти образы выявляют основы субъективного восприятия автора, которые проявляются в экстремальных условиях или предвосхищая их, и являют собой либо желаемую (заключенный предпочел бы быть собакой, которая, как ему кажется, выражает больше сочувствия, чем товарищи), либо вытесненную (автор боится, что голод вынудит его стать каннибалом) манифестацию эго. Такая фигура в повествовании выполняет роль меняющего, трансформера, который в некотором роде является воображаемым проводником в процессе трансгуманации. Она выполняет ту роль, которую в обрядах перехода выполняет маска, которая, как писал Клод Леви-Стросс, не закрывает лицо, а трансформирует. Таким образом, надевая маску тигра, неофит не изображает его, он становится этим животным.

Как утверждает антрополог Виктор Тернер, когда неофит (лиминальное существо, находящееся «между и посередине», “betwixt and between”) проходит разные обряды перехода — он вступает в диалог с архетипом. Как правило, символика ритуала странная и зачастую связана со смертью и разложением, также часто она соотносится с природой и животным миром. Так, например, надевая маску животного, новообращенный «умирает как часть природы, чтобы вместе с ней возродиться», что символизирует выход из прежней структуры и переход в лиминальность, с целью вступить в структуру, но уже в качестве другой, измененной личности. В случае воспоминаний, подвергнутых анализу

в «Неконвенциональных историях», маска, которую надевает автор, не является маской животного, понимаемого как противоположность человеку («ведь животные лучше, чем люди», — пишет автор воспоминаний). Это маска чудовища, которое представляет собой его противоположность (чудовище как нечеловеческое существо). Утрата человечности обозначает в данном случае не уподобление зверю, так как животное предстает в воспоминаниях как положительный образ, а нарушение различных табу, таких как первобытные формы агрессии, каннибализм, неподобающее обращение с телом умершего.

Стоит напомнить, что сторонники трансгуманизма ссылаются на понятие transumar, указывая, что именно в нем содержится этимологический корень названия этого способа мышления. Вступая на территорию трансгуманизма, мы изменяем понимание трансгуманации от состояния человека, находящегося в состоянии перехода (пречеловеченья), например, от цивилизованного человека к заключенному ГУЛАГа, утратившему человеческие качества, к переходной форме человека. Трансгуманизм предполагает, что человек как вид постоянно находится в процессе становления и преобразования, а современные технологии предоставляют нам инструмент для совершенствования человека, чтобы он стал чем-то большим. Сторонники трансгуманистического движения стремятся преодолеть психофизические ограничения человека, создать постчеловека благодаря использованию новых технологий (биологическая и технологическая модификация человека — генная инженерия, нанотехнологии, протезирование, психофармакология и т.д.)[4].

Как слово трансгуманация происходит от латинского trans- + humus (‘земля, страна’, а также ‘прах’). Слово humus в данном случае ключевое и объединяет значение двух слов. Исидор Севильский в XI книге «Этимологии» писал, что человеческое существо названо так — “uomo”, поскольку было сотворено из земного праха (humus), согласно библейскому слову: «И создал Господь Бог человека из праха земного» (Быт. 2: 7)[5]. Близкую связь человека с землей недавно подчеркнул Роберт Харрисон. Ссылаясь на «Новую науку» (1744) Джамбаттисты Вико, он напомнил, что слово humanitas (человечество) происходит от humando — погребение: «Гуманность — это способ быть смертным и отношение к мертвым. Быть человеком — значит прежде всего совершать погребение»[6].

В таком понимании трансгуманация — это разновидность «биотрансформации», т.е. декомпозиции органических останков — человеческого тела, что придает телу умершего различный онтологический статус: от неоморта до трупа (тело, подвергшееся процессам гниения) и различных форм сохранения тела умершего (пластинат, мумия, bog-bodies) и затем до скелета, костей, праха, пепла, а также сохранения останков, например в форме biopresense (фрагмент человеческого ДНК, внедренный в дерево) или LifeGem (синтетический бриллиант, сделанный из праха человека). В таком контексте правомерно было бы использовать термин «трансгумация» (по аналогии с эксгумацией, что дословно значит «из земли» (ex + humus — ‘доставать прах’). Но в предложенном рас-

суждении, как я обозначила выше, речь идет не только о перемещении останков, но и об их органической трансформации, изменении субъективности останков и их онтологического статуса.

Мертвое тело является своего рода институтом, как бы сказал Вико, он возник на заре человеческой цивилизации; уважение к нему (выражаемое различными способами) — одна из человеческих (?) универсалий и маркер человечности. Следовательно, говоря об отношении к мертвому телу / останкам, мы касаемся вопроса о видовой идентификации, а также очень широко обсуждаемого сейчас вопроса о достоинстве как маркере человечности и прав человека (в том числе умерших). Подразумевается не возвышенность смерти, романтическая эстетика, необычайность живого трупа или духа, или же волнующие рассуждения об отношениях между Эросом и Танатосом. Вопрос в том, остается ли человек после смерти по-прежнему человеком или становится скорее неодушевленным предметом? Если же остается человеком, то чем его человечность отличается от человечности живых; где она локализуется после смерти и как / в чем проявляется? Кому принадлежат останки? Какие ценности мы считаем первостепенными в вопросе обращения с останками — светское право или религиозные убеждения? Полагается ли телу / останкам уважение за то, кем был человек до смерти, или просто за сам факт их существования как след человека?

Если мы отдадим себе отчет в том, что общее число людей, которые родились с начала существования человечества, насчитывает более 106 млрд, из которых 6 млрд живут, а 100 умерли[7], как недавно подсчитали демографы, то тезис о мире, основанном на останках, а также вопрос об онтологическом статусе мертвого тела / останков, а также способ обращения с ними (в том числе вопрос исследования и демонстрации останков) приобретает особенное значение. Мертвое тело / останки / прах являются той «неустранимой составляющей», которая остается в / на / над землей(е) в той или иной форме. Иногда я прихожу к рискованному мнению о том, что с развитием технологического прогресса сохранение памяти о человеке станет вторичным по отношению к сохранению его останков.

В сущности, в истории важно не искусство быть живым, искусство быть мертвым (ars essendi morti). Мертвые тела всегда играли важную историческую роль и имели большое историческое значение. Места захоронения предков и их останки важны для формирования общности или народа и зачастую обозначают территориальные границы. Так называемая политика мертвых тел является основополагающей в создании идеологии национальной общности (кем являются наши предки?), а перемещение останков и повторные захоронения положительных и отрицательных национальных героев (вместе с установкой памятников одним и сносом памятников, посвященных другим[8]) находятся в тесной связи с политическими переменами и переписыванием истории, которые наступают вместе с перезахоронениями.

В гуманистике в течение последних лет появились исследования, которые можно определить как *dead body studies*. Исследования мертвого тела не следует идентифицировать с танатологией, которая прежде всего занимается вопросами, связанными со смертью, умиранием, погребальными ритуалами и трауром. Междисциплинарные *dead body studies* появились в 90-х гг., вызванные дискуссиями о вытеснении смерти и мертвого тела из пространства повседневной жизни, вопросами, касающимися трансплантаций, а также проблемами, связанными с эксгумацией общих могил и идентификацией останков, а также экспонированием останков в музеях. В основу этих исследований легло представление о том, что в связи с меняющимся подходом к смерти и мертвому телу должно быть сформулировано его понимание. Исходя из того, что именно материальные аспекты (признаки разложения) идентифицируют мертвое тело, в исследованиях оно рассматривается прежде всего именно в материальном смысле, при этом особое внимание уделяется таким аспектам, как способ обращения с останками, использование останков в медицинских исследованиях, трансплантация[9], права умерших, вопросы, касающиеся меняющихся способов захоронения (например экологичное захоронение), сохранения тела (мумификация, LifeGem, крионика, пластинаты), использования останков в искусстве, а также вскрытия трупа в образовательных целях. Интересны и важны дискуссии на тему никогда-не-мертвых (never dead), т.е. плодов и эмбрионов, которые родились уже мертвыми и используются в исследованиях и лечении; забора биологического материала у мертвых, токсичности мертвого тела.

История останков Виткевича послужила бы прекрасным исследовательским материалом для *dead body studies*. Стоит напомнить, что Виткевич, покончивший жизнь самоубийством, был похоронен на небольшом кладбище в селе Великие Озера в Полесье 19 сентября 1939 г. Уже в 1946 г. возникла идея перевезти его останки в Польшу и захоронить на мемориальном кладбище в Закопане. По политическим причинам перезахоронение не состоялось[10]. В 1970-х гг. перезахоронения начал добиваться Влодзимеж Землянски (сын Валентина Землянского, владельца имения и друга Виткевича со времен службы в царской армии). Он присутствовал на похоронах Виткевича, и, вероятно, перезахоронение останков писателя в Польше ему поручил отец на смертном одре. Именно он, навещая родные края в 1970-х гг., отметил безымянную проваливающуюся могилу колышком. В 1968 г., благодаря стараниям друзей жены Виткевича Ядвиги — Марии и Стефана Флуковских, на кладбище установили надгробную плиту. В 1974 г. на месте, указанном жителями деревни, поставили базальтовый камень с надписями на польском и украинском языках: «Могила Виткевича / Станислава Игнация. Родился в Кракове, умер в селе Великие Озера / 1885 24 II 1939 18 IX. Драматург, писатель, философ, художник» (место рождения указано неправильно). Поскольку Землянски при этом не присутствовал, доподлинно неизвестно, установлен ли камень в надлежащем месте[11]. Землянски вспоминает: «Возможно, ее не установили на том самом месте —

меня при этом не было. Вероятнее всего, он покоится под ней, только намного глубже или сбоку, справа или слева. Дело в том, что прежде, чем ее установили, в его могиле и рядом с ней похоронили много человек, мне об этом говорил Плешук Мадей».

В апреле 1987 г. состоялись переговоры генерала В. Ярузельского с Михаилом Горбачевым, в ходе которых подчеркивалась необходимость «очистить историю от темных пятен». Советское руководство согласилось отдать Польше останки короля Станислава Августа, Александра Фредро и Виткевича. Эксгумацию произвели 11 апреля 1988 г.[12] При раскапывании могилы наткнулись на останки младенца, под ними обнаружили скелет, который профессор антропологии из Киева идентифицировал как останки мужчины в возрасте от пятидесяти до пятидесяти пяти лет. Останки поместили в цинковый гроб, опечатали, и его, в свою очередь, поместили в дубовый гроб. Вечером родственнику, двоюродному внуку писателя — Мачею Виткевичу, передали предметы, которые нашли в могиле: пуговицы, ремень, обручальное кольцо, а также снимки, сделанные во время эксгумации. Предметы сразу вызвали подозрения, так как ремень, по-видимому, принадлежал стройному человеку, Виткевич никогда не носил кольцо из цветного металла, пуговицы, вероятнее всего, были с рубашки, а писатель, по словам Стефана Околовича, был похоронен в той одежде, в которой совершил самоубийство. Кроме того, на снимках был череп со всеми зубами, хотя было известно, что Виткевич с 1930-х гг. носил вставную челюсть. Не обнаружили металлическую трость, которую, как утверждала Окниньска, положили в его гроб. Несмотря на высказанные сомнения относительно принадлежности останков, 14 апреля 1988 г. в Закопане состоялись торжественные похороны. Многие считают, что похороны, будучи государственными, имели пропагандистское значение с целью укрепления польско-советской дружбы.

Начали появляться статьи, разоблачающие скандальный факт захоронения в Закопане останков неизвестного человека из Украины, среди прочих об этой истории написал Стефан Околович (член делегации, отправившейся в Полесье на поиски останков Виткевича), статья была опубликована в журнале *Tygodnik Powszechny*[13]. В результате многолетних усилий 26 ноября 1994 г. в Закопане была произведена эксгумация. Пресса описала ее следующим образом: «Ровно в десять появилась комиссия с могильщиками и работниками санитарно-эпидемиологической службы. Через некоторое время из могилы достали гроб, сделанный из светлого дерева. Несмотря на минувшие годы, гроб прекрасно сохранился, на крышке по-прежнему был бело-красный флаг, разве что немного пожелтевший. Завернутый в фольгу гроб с останками привезли в прозекторскую города Закопане. Из деревянного гроба достали металлический и распаяли. Осмотр произвели члены комиссии — известные палеонтологи. Профессор Тадеуш Дзержикрай-Рогальски долго держал в руке череп, который вынули из гроба. Он всматривался в ровный ряд прекрасно сохранившихся зубов — все зубы были на месте. <...> Специалисты произвели

измерения и взяли образцы для исследований. Затем гроб закрыли и увезли обратно на кладбище»[14].

Комиссия сделала заключение, что останки принадлежат женщине в возрасте 25–30 лет, ростом 164 см, которая, по всей вероятности, умерла вскоре после родов (что также подтверждают останки младенца, найденные в могиле в Великих Озерах). Останки женщины снова захоронили в могиле матери Виткевича.

Перипетии, связанные с эксгумацией и погребением останков поэта, стали темой не только для множества статей, но и для фильма, снятого Конрадом Шолайским «Одичание посмертных обычаев» (1995). Ежи Яроцки написал пьесу под названием «Возня с Виткевичем», которую поставил в Школьном театре Высшей школы драматического искусства им. Людвига Сольского в Кракове (1995) и в Старом театре в Кракове (1996). Судьбу останков описал в своей песне «Песенка из-за могилы» Яцек Качмарский (1989).

Прежде чем были предприняты официальные действия по организации перемещения останков Виткевича в Польшу, это попытался сделать собственными силами в 1985 г. молодой выпускник варшавской Академии изящных искусств — Яцек Крышковски (1955–2007), который состоял в творческой группе «Культура складчины» (Kultura zrzuty), в состав которой также входила группа «Лодзь-Калиская» (Łódź Kaliska)[15]. Весной 1985 г. Крышковски вместе с Эльжбетой Кацпшак, Микеном (Миколаем) Малиновским (контрабанда и питание) и его женой, поехал на поезде в Брест, оттуда на «Волге», взятой в аренду, — в Высоцк, и дальше на велосипедах — в Великие Озера. По официальной версии целью поездки была рыбная ловля. Ночью, с фонарями и лопатами, под видом поиска червей они добрались до могилы Виткевича. Крышковски должен быть раскопать могилу и достать несколько костей. Затем могилу засыпали. Кости перемололи в мясорубке и поместили в банки. Во время переезда через границу измельченные кости в декларации описали как «горчицу» (так как «продукты питания не облагались таможенной пошлиной», а «по цвету были похожи»). Крышковски описал экспедицию в Полесье за Виткевичем в третьем номере самиздатовского журнала *Hola Hoop*[16]. К обложке каждого экземпляра в качестве бонуса был прикреплен пакетик со щепоткой перемолотых костей Виткевича.

Экземпляры журнала были отправлены в том числе некоторым исследователям творчества Виткевича. Крышковски в конце своего отчета о поездке также указал, что на тему экспедиции «дополнительные комментарии даваться не будут», и предложил, чтобы комитет по вопросам перезахоронения Виткевича прекратил свою деятельность, поскольку, с тех пор как останки перевезли в Польшу, его деятельность утратила смысл [17]. Ежи Трушковски назвал предприятие Яцека Крышковского «самой смелой художественной инициативой в польском искусстве»[18].

Вальдемар Жишкевич объясняет действия Крышковского так: с одной стороны, Виткевич был вдохновителем и воплощением исключительной личности

для художника, с другой стороны, подобной провокацией Крышковски хотел нарушить табу, выступить против установленного порядка и вызвать скандал. Сам автор идеи пишет о своей инициативе следующим образом: «Мы думали, что привезенный и распространенный среди польской общественности прах Виткевича (по две ложечки праха для каждого желающего) успокоит измученное общество. Избавит его от очередного повода для характерной эйфории, связанной с торжествами, которые бы, несомненно, состоялись, если бы всей нации передали скелет целиком. В этом случае скелет приобрел бы статус всеобщего достояния, становясь при этом и ничьей собственностью... А так, обладая дома этой частичкой костной пыли, счастливый обладатель получает немыслимые до сих пор возможности. Он приближается к Виткевичу в той степени, какой ему не могут обеспечить ни обладание рукописями мастера, ни его цветные портреты... Крупица Виткевича, которую ты держишь в руке, — это частица того волшебства, которая вместе с другими органами, утраченными в процессе гниения, творила истинные чудеса»[19].

Если верить известному своими провокациями деятелю, который, между прочим, прославился тем, что в 1983 г. совершил покушение на Тадеуша Кантора, используя игрушечный пистолет, Крышковски хотел оградить Виткевича от государственного церемониала публичного захоронения, также, по-видимому, его волновала метафизика его перманентного присутствия в форме реликвии, обладающей чудотворными свойствами.

Недавно эту историю вспомнили по случаю проведения выставки “Poszliśmy do Croatan”, которая проходила в Центре современного искусства в Торуни (2009). Кураторы экспозиции Даниэль Музычук и Роберт Румас, которые затрагивают, среди прочего, вопросы исчезновения, выхода из общества, частного эскапизма, разместили на выставке также документацию предприятия Яцека Крышковского. Кураторы хотели противопоставить отчет Крышковского фрагментам художественного фильма «Мистификация» (в главной роли Ежи Штур), которые показывали на выставке. Фильм снят по сценарию Яцека Копровича, который утверждает, что 17 сентября 1939 г. Виткевич инсценировал самоубийство, пережил войну и умер примерно в 1968 г. в Лодзи[20].

Вопрос о том, сколько костей и какие именно кости выкопал Крышковски, носит дискуссионный характер. Трушковски сообщает, что это была «одна длинная кость», некоторые указывают на то, что это была бедренная кость. Сам художник, в свою очередь, написал, что «до велосипедов мы добрались с килограммом песка и парой небольших костных останков (в сторону черепа, из-за шаткой плиты, я старался не подкапывать)»[21]. Но, по всей вероятности, на снимке Крышковски держит не бедренную кость. Профессор Януш Пёнтек, специалист по физической антропологии из Университета им. Адама Мицкевича в Познани, к которому обратились за консультацией, написал: «Нельзя с уверенностью сказать, какая кость представлена на снимке. Для бедренной кости она слишком короткая (возможно, кость с одной стороны повреждена?). <...> Если бы нам был точно

известен рост тела Виткевича, можно было бы определить размер его бедренной кости. Длина бедренной кости мужчины с ростом 171 см составляет 461 мм, если рост 175 см — 477 мм, если 180 см — 500 мм, и т.д. На снимке видна ладонь (ее широта, по-видимому, около 10–15 см), нижняя часть кости (около 8 см) и такая же по длине верхняя часть кости. Где в таком случае эти 46–50 см, поскольку такой длины должна была быть бедренная кость Виткевича»[22].

Профессор Пёнтек, однако, отметил, что, несмотря на то что могила находилась во влажной почве, кости могли сохраниться в хорошем состоянии (так, как на снимке). Еще больше затруднений вызывает информация, указанная Вальдемаром Жишкевичем в тексте «Две эксгумации и похороны», о якобы проведенном исследовании останков, измельченных Крышковским. Исследование должно было подтвердить принадлежность останков Виткевичу. Жишкевич написал: «Уже позднее он (Крышковски. — *Э. Д.*) узнал, что анализ привезенных им останков был всё же произведен. Результаты якобы подтверждали, что это останки скелета мужчины, которые соответствующий период времени находились во влажном грунте. Возраст мужчины, согласно исследованиям, был более пятидесяти лет»[23].

Пёнтек считает, что «проведение такого исследования невозможно. Наверное, был сделан гистологический анализ, который позволяет определить возраст, но только в определенном диапазоне, а не “более пятидесяти лет”. Также нельзя было на основе перемолотой костной ткани с точностью определить пол. Не существует таких методов». Не стоит забывать, что Крышковски хоть и копал в месте, которое было обозначено как могила Виткевича, из других источников известно, что старое кладбище в Озерах было заброшено, и во время проведения дорожных работ его перекапывали и перемещали останки, не делая каких-либо обозначений. Крышковски мог обнаружить останки другого человека. Более того, он сам в своем отчете предостерегал о том, что «появилось очень много поддельных пакетиков с останками»[24].

Судьба останков Виткевича является примером того, какое значение они имеют для живущих и каким контролем над ними обладают. Нежелание некоторых перенести останки в Польшу объясняется таким способом, который демонстрирует тесную связь между могилами, нацией, национализмом и землей, подводя к мысли о том, что наша земля там, где находятся могилы наших предков.

Рассматриваемые в таком контексте останки Виткевича своеобразно легитимируют польское прошлое Полесья, оставить их там — значит сохранить наше культурное влияние. Эту мысль прекрасно выражает высказывание Анны Мечиньской, которая сказала: «Виткацы совершил самоубийство на последнем островке свободной Польши. Он должен остаться в Великих озерах как *граничный столб той Республики Польши*» (выделено мной. — *Э. Д.*)[25]. Стоит отметить, что сам Виткевич был против национально-кресовой мифологии, как утверждает Мария Янион. Так, например, в «Немытых душах» (Niemyte dusze) он писал, что идеология кресов превращала «крестьян в порабощенных колониальных туземцев»[26]. Парадокс заключается в том, что останки Виткеви-

ча могли бы быть использованы как инструмент «колонизации», а точнее полонизации кресовых земель. Стоит отметить, что перемена отношения власти к переносу останков Виткевича в Польшу зависела от политической ситуации.

Я бы хотела обратить внимание не только на культурный / политический аспект останков Виткевича, но и на их органичность. Противоречивые описания тела Виткевича (вскрыл ли он вены только на запястьях или также на шее), вопрос биодеградации (останки находились во влажной почве, что повлияло на определенный процесс разложения), разделение его останков на фрагменты (часть останков перевез в Польшу Крышковски), а также их меняющийся онтологический статус: от скелета до перемолотых костей, затем праха и дальнейшая биотрансформация в процессе исследований демонстрируют динамичность и потенциал, заключенный в останках. В данном случае трансгумация в значении «перемещения» и трансгуманация в значении «превращения органической субстанции в прах» сходны по смыслу.

Большое значение имеет амбивалентность присутствия останков: с одной стороны, они наличествуют в виде перемолотых в прах костей, которые Крышковски отправил разным людям, а с другой стороны, место нахождения могилы Виткевича в Озерах так и не было точно определено, и неизвестно, где на самом деле находятся останки. Я рискну предположить, что рассуждения о Виткевиче и его разнообразном творчестве в данном контексте имеют «некрогенический» характер, т.е. его существование связано с «деятельностью» останков (согласно идее Платона о том, что «всё живое происходит из мертвого»). Если мы говорим о посмертном существовании поэта как о идее, «призраке», то это слишком ограниченный дискурс, отрицающий его перманентное материальное присутствие. Когда Журковски пишет Пикварту (в процитированном выше письме), что «не прах важен, а живое слово, в нем наш Виткаций!», я бы сказала: напротив, в контексте дискуссий на тему материальности, присутствия прошлого и органической идентификации в современной гуманистике именно останки приобретают исключительное значение. Органическая память костей должна представлять собой исключительную сферу интересов, и их биографию (некрографию) можно охарактеризовать как описание биологического, органического измерения существования Виткевича, как ante-mortem, так и post-mortem.

В истории, описанной выше, отчетливо обозначилось различие в обращении с останками: в первом случае они были возвышенным предметом погребального священнодействия, во втором — были осквернены Яцеком Крышковским, который обращался с ними как с вещью. Впоследствии возник конфликт между восприятием останков Виткевича как части национального достояния и возможным обладанием неким фетишем — реликвией. В этом всем затерялась идея несправедливости, которая была оказана не только останкам Виткевича, но и останкам матери, а также телу неизвестной женщины — жительницы Озер и ее ребенку (не буду упоминать здесь истории, согласно которым были потревожены и другие могилы, находящиеся поблизости от предполагаемой могилы Виткевича в Озерах).

Гроб Виткевича положили в могилу матери писателя. Этот вопрос, однако, подлежит более детальному изучению, так как в некоторых источниках указывается, что Виткевича на самом деле похоронили в могиле его тетки — Марии Виткевичовой (Мери)[27]. Так, Конрад Шолайски утверждает, что: «Вскрытая в ноябре могила на кладбище на Пенксовом Бжизку, по-видимому, никогда не была могилой матери писателя, как об этом везде говорили, это была могила его тетки Марии Виткевичувны, которую он звал “тетей Мери”. Точности ради стоит отметить, что после эксгумации “останков Виткевича” могила оказалась пустой. В ней были каменные стены и тщательно зацементированное дно. У меня возник вопрос: откуда в таком случае появилась табличка, гласящая, что здесь покоится Мария Виткевич? Внес ясность разговор с Мачеем Виткевичем, двоюродным внуком писателя <...>. Так вот, шестью годами ранее могила Марии Виткевичовой, или скорее Виткевичувны, была перекопана, а точнее — осквернена. Старую могилу спешно углубляли, подготавливая ее для гроба, торжественно привезенного из Украины. В процессе обнаружили кости, вероятно, останки “тети Мери”. По словам Мачея Виткевича, их вырубили из мерзлой земли, поместили в пакет и зацементировали где-то сбоку или на дне новой, отремонтированной могилы»[28].

Несколько иную версию событий представляет Веслав Бялас — реставратор кладбища на Пенксовом Бжизку: «Я был ответственным за подготовку могилы Виткевича, а точнее могилы его матери Марии Виткевичовой, рядом с которой он должен был покоиться. Мы работали в спешке. <...> Больше всего в этой ситуации меня смутило то, что был нарушен вечный покой матери Виткевича — Марии Виткевичовой. Нам необходимо было освободить в могиле для него (Виткевича. — *Э. Д.*) место, и, к сожалению, раскапывая, мы вынуждены были наткнуться на ее останки. Череп, кости позвоночника, крестик, вероятно, с четок, остатки обуви, неоднократно ремонтированной — видимо, она была не очень богатой женщиной. Мы все положили в маленький детский гробик, похоронили ее еще раз, утешаясь, что теперь она будет покоится рядом с любимым сыном. Но как позже оказалось, мы положили рядом с ней ни в чем не повинного жителя Полесья, вечный покой которого тоже был нарушен. Более того, когда всё раскрылось, экскурсии плевали на эту могилу и кричали: “Пошел вон, большевик!” Требовали убрать останки из могилы Марии Виткевичовой, перевезти обратно в Полесье! И, разумеется, это можно сделать. Но разве это не варварство — терзать и перетаскивать останки несчастного человека, волей случая впутанного в эту историю?»[29]

В сложившейся ситуации ясность могли бы внести очередные эксгумации и антропологические исследования останков. Но данный текст не преследует цели установить, кто конкретно в чьей могиле покоится. Цель текста — обратить внимание на возмутительный подход к терзаемым останкам, которые воплощают субъект, обладающий статусом *“nekros sacer”* (по аналогии с *“homo sacer”* Джорджо Агамбена, который использует этот термин по отношению к изгнан-

никам, эмигрантам, людям без гражданства — людям, которые позволят себя убить, но не станут жертвами)[30]. Термин *"nekros sacer"* противопоставляется словосочетанию *"homo sacer"*, так как субъект является мертвым и постоянно приносится в жертву различным политическим интересам, с "homo sacer" его объединяет судьба изгнанного и прогоняемого. Понятие "sacer" становится здесь синонимом проклятия, которое лежит на останках по той причине, что они мертвы и переданы в распоряжение живущих. Эта «голая смерть» в очередной раз оказывается необычайно важным элементом политической игры, которая доказывает, как трудно быть мертвым (упомянутое выше *ars essendi morti*) и как много раз можно убить то, что уже мертво.

Тайна, которая окутывает местонахождение останков Виткевича и оберегает от государственной помпезности и проводимой государством «политики мертвых тел», может быть интерпретирована как символическое противостояние власти. Останки, которых нет, в этой ситуации являются символом побега от нее, бунтом посредством исчезновения, а также знаком, что, возможно, природа лучше охраняет то, чем бы культура хотела алчно завладеть. Конечно, всю историю судьбы останков писателя можно также интерпретировать, как выразился Януш Деглер, как «хихиканье (Виткевича. — *Э. Д.*), эхом доносящееся с Гевонта», а в найденных останках молодой женщины можно усмотреть намеренно устроенный писателем маскарад, а также присущий его текстам и образам мотив гендерной трансформации. Можно пойти вслед за Веславом Бяласом: «Сбылись слова жителей Полесья, которые уже там предсказывали Божью кару, говорили, что ничего хорошего из этого не выйдет. Эксгумацию, которая проводилась в Полесье, совершили в день Пасхи. Осквернили святой день Муки Господней. Осквернили физическим трудом, а прежде всего тем, что нарушили вечный покой усопших».

Возможно, стоило бы вернуть принцип отлучения от церкви, который касался бы тех, кто видит в останках лишь *"corpus delicti"* и предмет для достижения политических целей. Во многих культурах неолита, а также в существующих еще в современном мире автохтонных культурах дома строились на останках предков. Останки являлись своего рода гумусовым фундаментом. Так, может быть, лучшее, что можно сделать с прахом Виткевича, который находится в руках людей, — возложить его как краеугольный камень под театр или музей. Это придало бы зданию особенную ауру и, таким образом, поставленную пьесу или, скажем, выставку картин или фотографий пронизывал бы не просто сохранившийся в культуре «дух Виткевича», но также и органическая материя, обладающая особенной животворящей энергией (останки, прах являются средой для разных форм жизни). У праха Виткевича появилась бы возможность раскрыть свой потенциал.

[1] Статья написана в рамках проекта, финансируемого из средств бюджета Национального центра науки, выделенных на основе приказа № DEC-2013/11/B/HS3/02075.

[2] *Domańska E.* Hermeneutyka przejścia. Wspomnienia z Rosji Jana Żarno // Domańska E. Historie niekonwencjonalne. Refleksja o przeszłości w nowej humanistyce. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2006 (URL: http://otworzksiazke.pl/ksiazka/historie_niekonwencjonalne).

[3] *Agamben G.* Remnants of Auschwitz. The Witness and the Archive / Transl. by Daniel Heller-Roazen. New York: Zone Books, 1999. P. 82.

[4] См.: *Bostrom N.* A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. N 1, а также другие статьи, опубликованные на его сайте: http://www.nickbostrom.com.

[5] Ср.: «...ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3: 19).

[6] *Harrison R. P.* The Dominion of the Dead. Chicago; London: Chicago University Press, 2003. P. ix.

[7] *Haub C.* How Many People Have Ever Lived on Earth? // Population Today. 2002. Vol. 30. N 8. November / December.

[8] Стоит отметить, что, по словам Мишеля Серра, первые статуи были по сути мумифицированными телами. *Serres M.* Statues: Le Livre des fondations. Paris: Francois Bourdin, 1987. P. 281.

[9] По этой теме см.: *Jones D. G.* Speaking for the Dead: Cadavers in Biology and Medicine. Aldershot: Ashgate, 2000.

[10] В интервью, опубликованном в 1996 г., Яцек Миллер упоминал, что первым человеком, который предпринял действия по перезахоронению праха Виткевиича в Польше, был Ежи Эвгениуш Пломеньски. В 1946 г., будучи директором департамента литературы в Министерстве культуры, он создал Комитет, который должен был «воздать дань памяти Станиславу Игнацию Виткевичу». Одной из целей комитета было захоронение Виткевича. Вдова выразила согласие на эксгумацию и предоставила полномочия Ежи Лешчиньскому. Но не удалось даже получить согласие на выезд в СССР. В 1994 г. в *Gazeta Wyborcza* написали, что один из читателей позвонил в редакцию и сообщил, что, будто бы, его отец привез в 1945 г. гроб с останками Виткевича во Львов, где его должны были разместить в библиотеке им. Оссолиньских (Gazeta Wyborcza. 1994. N 278).

[11] См.: *Rąkowski G.* Wołyń. Przewodnik po Ukrainie Zachodniej. Pruszków, 2005. P. 160.

[12] Мачей Виткевич прокомментировал выбор даты следующим образом: «Мы протестовали против более раннего срока проведения [эксгумации]. <...> Мы предлагали ноябрь, месяц поминовения усопших. Однако это обязательно нужно было сделать в апреле — месяце советско-польской дружбы! <...> Перезахоронение Виткевича должно было своеобразно увенчать наши переговоры с восточным соседом, стать значимым свидетельством нашего сотрудничества». Цит. по: *Siedlecka J.* Tak zwana ludzkość. Warszawa, 1998. P. 230.

[13] *Okołowicz S.* Gdzie spoczywają prochy Witkacego? // Tygodnik Powszechny. 1989. T. 56.

[14] *Połahicki M.* Chichot Witkacego // Gazeta Wyborcza. 1994. N 276.

[15] Kultura Zrzuty 1981–1987 / Pod red. M. Janiaka. Warszawa: Akademia Ruchu, 1989.

[16] Переиздание опубликовано как*: Kryszkowski J.* Podróż do Rosji po Witkacego // Magazyn Sztuki. 1994. N 2–3. P. 125.

[17] Ibid. P. 126.

[18] *Truszkowski J.* Artyści radykalni / Radical Artists / Galeria Bielska. Bielsko-Biała, 2004. P. 120.

[19] *Kryszkowski J.* Podróż do Rosji po Witkacego. P. 122.

[20] Witkacy się nie zabił. Jacek Szczerba rozmawia z reżyserem Jackiem Koprowiczem // Gazeta Wyborcza. Duży Format. 2006. 26.08.

[21] *Kryszkowski J.* Podróż do Rosji po Witkacego. P. 125.

[22] Электронное письмо Януша Пёнтека Эве Доманьской, 13 января 2010 г. (авторизованный текст).

[23] Waldemar Żyszkiewicz. Dwie ekshumacje i pogrzeb // Tysol. 1999. N 7, z lipca (URL: http://waldemar-zyszkiewicz.pl/index.php?option=com_content&task=view&id=208&Itemid=35).

[24] *Kryszkowski J.* Podróż do Rosji po Witkacego. P. 125.

[25] Цит. по: Dokumenty zaginęły, winnych brak. P. 6.

[26] *Janion M.* Niesamowita Słowiańszczyzna. Fantazmaty literatury. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2006. P. 175.

[27] Stanisław Ignacy Witkiewicz, folder “miejsca” URL: http://zakopany.webpark.pl/. Надгробную плиту, которая в 1964 г. была установлена на могиле Марии — матери Виткевича, в 1988 г. заменили на новую с надписью: «14 апреля 1988 года Станислав Игнацы Виткевич вернулся и обрел вечный покой рядом с матерью». Когда выяснилось, что в могиле покоятся останки неизвестной украинки, вернули прежний памятник.

[28] *Szołajski K.* Grzebanie w Witkacym // Wprost. 1995. N 3. P. 64.

[29] Цит. по: *Siedlecka J.* Tak zwana ludzkość. P. 231–232.

[30] *Agamben G.* Homo sacer. Suwerenna władza i nagie życie / Przeł. M. Salwa. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2008.

References

AGAMBEN G. *Homo sacer. Suwerenna władza i nagie życie* / Przeł. M. Salwa. [Homo sacer. The sovereign power and the naked life. In Polish]. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2008.

AGAMBEN G. *Remnants of Auschwitz. The Witness and the Archive* / Transl. by D. Heller-Roazen. New York: Zone Books, 1999.

BOSTROM N. *A History of Transhumanist Thought* // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. N 1.

DOMAŃSKA E. *Hermeneutyka przejścia. Wspomnienia z Rosji Jana Żarno*. [Transition hermeneutics. Memories of Russia of Jana Żarno. In Polish] // Domańska E. Historie niekonwencjonalne. Refleksja o przeszłości w nowej humanistyce. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2006.

HARRISON R. P. *The Dominion of the Dead*. Chicago; London: Chicago University Press, 2003. P. IX.

HAUB C. *How Many People Have Ever Lived on Earth?* // Population Today. 2002. Vol. 30. N 8. November / December.

JANION M. *Niesamowita Słowiańszczyzna. Fantazmaty literatury*. [Unusual Slavic peoples. Literary imaginations. In Polish]. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2006.

JONES D. G. *Speaking for the Dead: Cadavers in Biology and Medicine*. Aldershot: Ashgate, 2000.

KRYSZKOWSKI J. *Podróż do Rosji po Witkacego*. [Travel to Russia for Vitkevich. In Polish] // Magazyn Sztuki. 1994. N 2–3.

Kultura Zrzuty 1981–1987 / Pod red. M. Janiaka. Warszawa: Akademia Ruchu, 1989.

OKOŁOWICZ S. *Gdzie spoczywają prochy Witkacego?* [Where Vitkevich’s remains are based? In Polish] // Tygodnik Powszechny. 1989.

POŁAHICKI M. *Chichot Witkacego* [Vitkevich’s laughter. In Polish] // Gazeta Wyborcza. 1994. N 276.

RĄKOWSKI G. *Wołyń. Przewodnik po Ukrainie Zachodniej*. [Wołyń. Western Ukraine guide. In Polish]. Pruszków, 2005.

SERRES M. *Statues: Le Livre des fondations*. Paris: Francois Bourdin, 1987.

SIEDLECKA J. *Tak zwana ludzkość*. [So-called humanity. In Polish]. Warszawa, 1998.

SZOŁAJSKI K. *Grzebanie w Witkacym* [Searches in Vitkevich. In Polish] // Wprost. 1995. N 3.

VERDERY K. *The Political Lives of Dead Bodies. Reburial and Postsocialist Change*. New York: Columbia University Press, 1999.

Ewa Domanska. Transhumanation: Bio-Cultural History of Witkacy's Remains

The article discusses the history of the remains of the Polish writer and avant-garde artist Stanisław Ignacy Witkiewicz (Witkacy, 1885–1939). Its aim is to demonstrate the scandalous approach to remains, which are banished and embody a subjectivity that has the status of *necros sacer* (by analogy to Giorgio Agamben's *homo sacer*). The term 'sacer' becomes synonymous with curse: the remains are cursed because they are at the mercy of the living. In 1985, Witkacy's grave became the object of a controversial project by the Polish artist Jacek Kryszkowski, who dug out several bones, allegedly Witkacy's, and after grinding them, attached a small amount of the material, sealed in a plastic bag, to each copy of his privately published magazine. In 1987, the Soviet authorities agreed to the exhumation of Witkacy's remains as a manifestation of Polish-Soviet friendship. For the opponents of the exhumation, Witkacy's remains, buried in the region of Polesie (now in Belarus, but before World War II, a part of Poland), legitimated the region's Polish past and their continued presence would help maintain Polish cultural influence. Once again, remains proved to be a crucial element of political tactics.

Domanska Ewa — Associate Professor of theory and history of historiography in the Department of History, Adam Mickiewicz University at Poznan, Poland, Visiting Associate Professor at the Department of Anthropology, Stanford University.
Доманьска Эва — доцент факультета истории Университета Адама Мицкевича в Познани (Польша), приглашенный доцент факультета антропологии Стенфордского университета.
e-mail: petersburg@instytutpolski.org